

Игорь Николаев

Иван и Александра

Поэма о любви

18+

Игорь Николаев
Иван и Александра

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Николаев И. Н.

Иван и Александра / И. Н. Николаев — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

В основе сюжета поэмы лежит судьба реальных людей Ивана и Александры в период сложной политической ситуации в 20-х – 40-х годах прошлого столетия. Это не документальное, а романтическое произведение о любви, надежде и вере.

Посвящается деду Ивану и бабушке Александре.

Я расскажу вам без прикрас
О том, что слышал и что знаю.
О жизни мой пойдёт рассказ,
Что ж, потихоньку начинаю.

* * *

Шел первый беленький снежок,
Земля под чистым покрывалом.
В деревню утром слух дошёл,
Что власть народная настала.

Снежки летели, смех ребят —
Для них пока всё очень просто.
Иван был тоже очень рад
Среди таких, как он, подростков.

Тогда не понял он ещё,
Что жизнь в стране перевернулась.
И семьи все, и каждый дом
Рука истории коснулась.

* * *

В семье три брата, две сестры:
Василий, Сашка, Катя, Ольга.
Иван (был старшим среди них).
Но детство длилось их недолго.

Играли, дрались иногда
И быстро всё потом прощали.
А братья от других всегда
Сестёр своих оберегали.

За них и дрались так всерьёз,
С разбитым носом приходили.
Никто у них не видел слёз,
И сёстры раны им лечили.

И быстро штопали штаны,
Чтоб им от мамы не попало.
И всё-таки, бывало, им

От мамы всё же прилетало.

Обычно тряпкой иль ремнём.
Отец – тот был намного жёстче.
Но не за драки – за враньё.
Дурь выбивал, доставши вожжи.

И всё ж для них он был герой.
И уважали, и любили.
С войны с крестом домой пришёл,
Бил за царя и за Россию.

* * *

Никто не думал, не гадал,
Что мужичок один картавый
Вдруг прочитает «Капитал»
И, как волчок, крутнёт державу.

И завертелось, понеслось.
Отец – на сына, брат – на брата,
Что было вместе, стало врозь.
Крушили всё, так было надо.

Всё отобрали, что смогли,
А богатеев разогнали.
И ничего не сберегли,
Ещё беднее только стали.

* * *

Война закончилась, и вот
Не стало красных, белых, синих.
Жестокий голод бил народ,
Болезни многих покосили.

Отец с Гражданской не пришёл,
Заботы мать к земле пригнули.
Картошка в чугушке на стол,
И дети руки потянули.

Иван остался за отца,
Семья легла ему на плечи.
И что там дальше – не понять.
Лучина тускло в доме светит.

А «комиссары» чисто всё
В деревне напрочь забирают
И «продразвёрсткою» грабёж,
Грозя наганом, называют.

Газеткой машет лысый вождь,
Кидает лозунги лихие
И думает, его поймёт
Народ безграмотной России.

И не понять ему народ,
Ведь из дворца не видно дали.
А на дворе опять снежок,
И Новый год не за горами.

А там ещё один, другой.
Катились годы, тяжело было.
И лысый вождь от нас ушёл,
Но это жизнь не изменило.

Ему на смену встал иной —
Усатый, жгучий и с Кавказа.
Как будто с гор слетел орёл,
Задумал изменить всё сразу.

Колхозы стали поднимать
И сказками народ кормили.
Иван не смог тогда понять,
И многим ум тогда смутили.

Всё стало общим и ничьим,
А раз ничье, то и не надо.
Всех подравняли, как смогли.
Лентяям, пьяницам отрада.

* * *

Их трое в доме из мужчин,
И все в хозяйстве помогают.
Сестрёнки тоже подросли.
Готовят, моют, убирают.

Пошёл Иван тогда в колхоз
За трудодни на пилораму.
Работал сутки – день и ночь,
Ещё учился мало-мало.

Освоил грамоту вполне.
Писал, считал так понемногу.
И вот трудом своим сумел,
Поднял семью, и слава Богу.

* * *

Но лень и зависть – две сестры.
И злоба тоже ходит рядом,
И вот доносы понесли,
Что он «кулак», проверить надо.

Что много птицы у него,
Что яйца лишние он прячет,
Что мало молока сдает.
А значит, надо «раскулачить».

Что, в общем, хорошо живёт,
Не так, как пьяницы-соседи,
Что агитацию ведёт,
Чтоб власть крестьяне силой свергли.

И вот примчались на конях
В кожанках всадники лихие.
Скотину, птицу посчитав,
С собой Ивана уводили.

Не объяснив, куда, за что.
Стояла мать и братья, сёстры.
Он крикнул им, махнув рукой,
Что обязательно вернётся...

* * *

По деревням прошёл террор,
Большевики всё палку гнули.
Забрали много мужиков.
Кого в тюрьму, кого под пули.

Он не один такой попал
Ему клеймо «кулак» пришили.
Хоть пули всё же избежал,
Но вот судьбу его решили.

В бараке грязном в темноте
Сидел и думал он о доме.
Сидел и думал о семье,
О новой власти, о законе.

А власть народная ему
Сказала, мило улыбаясь:
«Его и всю его семью
В края глухие высылают».

* * *

Не знали дома ничего.
Всё ждали, может быть, вернётся.
Вот, кажется, шаги его,
Но нет, пурга в калитку бьётся.

И так тянулись ночи, дни,
А ночь зимою длится дольше.
Хозяйство как могли вели,
Мать поседела ещё больше.

* * *

Он не пришёл, как обещал,
Зато примчались «комиссары».
Забрали всё, что можно взять.
Сказали им, чтоб собирались.

И вот на следующий день,
Собрав в узлы еду, одежду,
У русской печки в тишине
Сидели, грелись все, как прежде.

Последний раз всё оглядев,
Что дальше – только неизвестность.
Здесь жизнь была, и боль, и смех,
И дом дарил тепло и нежность.

И думы разные ползли:
За что судьба их наказала.
Вдруг стук какой-то у двери,
Мать по шагам его узнала.

И он вошёл, но не один.

Худой и бледный, но здоровый.
Два конвоира рядом с ним,
И взгляд у них чужой, суровый.

Сказали: «Собирай узлы,
Выходим все на двор, к обозу».
Он мать обнял, и все пошли,
Неся нехитрый скарбик к возу.

Обоз из нескольких саней.
Печально смотрят бабьи лица.
Сильнее кутают детей,
Чтоб им в мороз не застудиться.

* * *

И поползли леса, поля.
В далёкий край, где всё чужое.
Где необжитая земля,
Где только ветер дикий воет.

Через неделю съели всё,
Остались крошки только детям.
Болели через одного,
А вот двоих уж Бог приметил.

Их хоронили по пути,
В снегу руками зарывали.
А через день уж не найти.
По следу рыщет волчья стая.

Но вот подъехали к реке.
«Стой!» – командир сказал обозу.
И люди подошли к воде.
Дороги нет, нет дальше ходу.

На льду вода и полыньи.
Все молча на реку смотрели.
Тут снова крикнул командир:
«Эх, чёрт, видать, не доглядели.

Наверно, сбились мы с пути.
Зима дороги все накрыла.
Попробуем обход найти,
Чтоб перейти возможно было.

Я весь отряд беру с собой.

У вас тут мужиков хватает.
Кругом тут «контры» ведь полно,
Лес дикий тут их укрывает.

И если вдруг случится бой,
То в нём боец мне каждый важен.
Для вас же контра – значит, свой.
Вы ж кулаки, он вам не страшен.

Мы ненадолго, час иль два.
Дорогу сыщем и обратно.
А вы отсюда никуда.
Да вам и некуда деваться.

Без нас дороги не найти,
На корм волкам или замёрзнуть.
А впрочем, можете идти,
За хвост свою удачу дернуть.»

* * *

Отряд растаял в белой мгле,
Мешок пшена на всех оставив.
Скатилось солнце по горе
И скрылось, сумерки настали.

Всю ночь мужчины стерегли,
Огнём пугая волчью стаю.
Кострами грелись как могли,
В санях под сеном дети спали.

* * *

Ночь проползла, а после день.
И стало ясно, что неясно,
Отряд вернётся ли теперь,
Иль ждать его уже напрасно.

А может, это план такой,
Их завести сюда и бросить.
Ведь не узнает же никто.
Кто про врагов народа спросит?

В народе паника пошла,
Как жить или куда податься.

И, обсудив все против, за,
Решили: надо оставаться.

* * *

Наутро, только рассвело,
Мужчины стали собираться,
Чтоб нарубить побольше дров,
Ведь надо как-то обживаться.

Вот мужики, кто посильней,
В лесок отправились гурьбою.
Три топора всего-то есть.
Кто смог, из дома взял с собою.

Назад теперь им не дойти,
Ведь лошадей им «дохлых» дали.
И сена нет уже почти,
А потому дойдут едва ли.

И волки бродят по пятам.
Да и дорогу снег завьюжил.
А здесь хоть рядом есть вода,
И к ночи будет «добрый» ужин.

* * *

Варили в стареньком ведре.
Что было, всё туда сложили.
По очереди ели все,
А первыми детей кормили.

Еда казалась хороша,
Вкуснее сладкого шербета.
И заиграла вдруг душа,
На миг заботы скрылись где-то.

О, эта русская душа!
Не знаю я другой подобной.
В ней столько силы и добра,
И нет в ней места грусти долгой.

Запели тихо при луне,
И горечь схлынула на время.
И уж несётся по реке

Многоголосье песнопенья.

И даже нечисть до утра
Притихла в том лесу дремучем.
И скрылась в чаще: «Во дела!
Да, их так просто не замучить».

И долго языки костра
Ещё ласкали тьму ночную.
Заря им новый день зажгла
И взгляд на жизнь совсем другую.

* * *

И поутру они уже
Судьбу не кляли так безбожно.
И поняли, что нужно здесь
Стараться выжить, как возможно.

Пусть это будет тяжело,
Но вместе можно гору сдвинуть.
И выжить всем смертям назло,
Всем вместе выжить, не погибнуть.

Так обсуждали у костра,
Собравшись все: и млад, и старец.
И каждый всё сказал сполна,
И вместе «старшего» избрали.

Без старшего не обойтись.
Задачи, споры пусть решает,
А что-то общее решить
Пускай собранье собирает.

И сразу первый встал вопрос.
Где жить: в землянках или строить.
Но спорить долго не пришлось.
В три топора всё не устроить.

Дрова рубили, жгли костры,
Чтоб землю отогреть быстрее.
Рыхлили землю топоры,
Копали, руки не жалея...

* * *

Да, в общем, было нелегко,
Хоть взгляд на жизнь переменили.
Питались тем, что Бог пошлёт,
И как-то до тепла дожили.

Но без потерь не обошлось,
Ещё двоих похоронили.
Тринадцать было мужиков,
А дальше дети, бабы были.

Двух сохранили лошадей,
Хоть и худых, но сохранили.
Пусть отъедаются теперь
В полях на травном изобилье.

Собрали сходку мужики.
Сидели, спорили, решали:
«А всё же надо нам идти
Искать жильё в другие дали.»

«И рыбы можно наловить,
И ягоды с грибами будут.»
«Но вот без хлеба не прожить.
И без картошки будет туго.»

«Нам зиму здесь не пережить,
Хоть ягод и грибов засушим.»
«Нам рыбу нечем засолить.
Конины есть всего полтуши.»

«Бригады надо собирать.
По три, наверно, человека.
И в разные концы послать.
Одних за лес, других за реку.»

Решили, хватит трех бригад.
А завтра надо плот построить,
А послезавтра уж с утра
Им выходить, наверно, стоит.

* * *

Решили, так тому и быть.

Назавтра девять добровольцев
С утра начали плот рубить.
Нашли деревья, что побольше.

И застучали топоры.
Трудились целый день на славу.
Иван там с ними тоже был,
Он старшим был на всю ораву.

Он бригадиром избран был
Бригады той, что шла за реку.
Семью он братьям поручил:
Всё ж мужики, два человека.

Плот был готов, и вдруг одна,
Одна из девушек серьёзно
Сказала, что пойдёт она
За реку с ними, если можно.

Девчонку Сашкой мать звала,
Отец же кликал Александрой.
Она к Ивану подошла:
«Мне очень нужно. Можно? Ладно?»

Переглянулись все вокруг.
Желанье странное, конечно.
Поход тяжёлый. Может вдруг
Случиться что там. Неизвестно...

Но Сашка крепкая была.
Кровь с молоком, как говорится.
И рослая не по годам.
Возможно, может и сгодиться.

Иван всё понял, неспроста
Девчонка с ними напросилась.
Он раньше видел, как она
Украдкой на него косилась.

Ну что ж, девчонка хороша,
Захочет – своего добьётся.
Вот и родителям она
Пообещала, что вернётся.

«Пускай идёт, – сказал Иван. —
Но всё по-равному, без скидок.
И чтобы слёз не лила там,
И чтобы не было обиды.»

Плот был готов, и решено,
Что выйти надо утром рано.
С собой всё собрано давно.
Осталось так, что мало-мало.

Еды собрали, что смогли:
Сушёных ягод, рыбу, мясо.
А дальше всё, что по пути,
А что в пути – совсем неясно.

С собою взяли три ножа,
Рогатин пару, пару кольев,
Одежды тёплой каждый взял,
И всё. Наверное, не боле.

Решили топоры не брать.
Вернутся, нет, никто не знает.
А людям вдруг тут зимовать,
Им надо запастись дровами.

* * *

Всю ночь у яркого костра
Иван сидел с семьёю вместе.
Разлука долгой быть могла,
Когда вернётся, неизвестно.

Наказы братьям раздавал.
Семья на плечи их ложится.
Сестёр и мать он утешал,
Что с доброй вестью воротится.

* * *

Чуть свет, а все уж на ногах.
Народ их провожал с надеждой.
Теперь жизнь всех у них в руках,
Сестёр и мать прижал он нежно.

И вот бригада на плоту.
Руками машут на прощанье.
Куда идут, и что найдут,
И выполнят ли обещанье...

Другие две бригады в лес:

Вверх по реке и вниз уходят.
Им все смотрели долго вслед.
Пусть не погибнут, пусть приходят.

И понесла река вперёд,
Вперёд, в неведомые дали.
И что их ждёт, и кто их ждёт,
Как прежде, вновь они не знали.

* * *

В лицо дул свежий ветерок,
А в сердце – уголёк надежды
Что всё ж спасут они народ
И будут вместе все, как прежде.

Вдоль берега леса, поля.
Не видно ничего жилого.
Чужая, дикая земля.
И снова лес, и снова, снова.

Уже полдня они плывут.
Наверное, пора причалить.
И дальше уж пешком пойдут,
А плот придётся здесь оставить.

На берег вышли не спеша
И сразу уходить не стали.
Расположились у костра,
Лесной смородины нарвали.

Согрели в кружке кипятка,
Для аромата листьев бросив,
Нарвали ягоды с куста,
Иван решил маршрут прибростить:

«Пойдём от речки по прямой,
Вёрст восемь-десять прошагаем,
А там посмотрим, что к чему.
Вдруг попадёт тропа какая.»

* * *

Прошли по лесу целый день.
Стемнело, встали на привале.

Немного надо и поесть.
В пути лишь ягодой питались.

А лес дремучий и густой,
Местами чаща непролазна.
Гудели ноги, но никто
Не ныл и не отстал ни разу.

Зажгли костёр и не спеша
Солёной рыбой подкрепились.
Потом с клубникой кипятка
За разговорами напились.

«Да, день сегодня трудный был
И не принес пока удачи.
Тропу пока что не нашли,
И завтра снова в поиск значит.»

«Что завтра, как, куда идти:
Свернуть иль дальше прямо-прямо.»
«И хоть бы что-нибудь найти,
Что б направленье указало.»

«А ладно, надо отдохнуть,
Ведь утро вечера мудрее.
Вот утром и наметим путь.
На бодрый взгляд оно виднее.»

* * *

Взошла луна, всё осветив.
Уснули все, Иван остался.
И у костра, про всё забыв,
Он вдруг фантазиям отдался.

Представил остров, а на нём
Деревья – пальмами зовутся.
И Пятница, и Робинзон.
Цветные птицы рядом вьются.

У пальмы листья лопуха,
А то, наверное, побольше.
Есть говорящий попугай.
Вот это диво, так уж точно.

Про всё про это он читал
В потёртой, мятой, старой книге.

И много раз перечитал,
И в снах потом всё это видел.

Там нет зимы и снега нет.
Цветные рыбки в синем море.
И солнце дарит тёплый свет.
Всё так красиво и спокойно.

Не нужно зимних там одежд,
Там круглый год всё зеленеет.
А чернокожий человек
Когда и врёт, то не краснеет.

Там можно за год собирать
Картошки по два урожая.
Наверно, автор всё ж приврал,
Ведь так на свете не бывает.

Вот если бы туда попасть,
Взглянуть одним хотя бы глазом.
Да, расхотелось даже спать,
Хотя вздремнуть, конечно, надо...

* * *

Спокойно ночь прошла в лесу.
Никто их сон не потревожил.
Костёр почти погас к утру,
И дальше в путь идти уж можно.

Решили повернуть они.
Вчера вёрст двадцать прошагали.
Вверх по течению пошли
К притоку, что они видали.

Но сколько до него идти,
День или два, они не знали.
Его заметили они,
Когда по речке проплывали.

Шла Сашка с ними наравне
И снисхожденья не просила.
К Ивану с каждым днём сильнеей
Её любви тянула сила.

Иван-то тоже был не прочь
С ней перекинуться словами.

Иль пошутить, или помочь,
Иль сесть поближе на привале.

А мужички, что с ними шли,
Давно семейные уж были.
В них перемену засекли
И меж собою окрестили.

Подшучивали без обид
Над ними, дело молодое.
«Пускай воркуют голубки,
Вернёмся, свадебку устроим».

* * *

Уже два дня прошли, а вот
Притока не было в помине.
Иль так течение унесло,
А может, мимо проскочили.

Нет, мимо не должны пройти,
Ведь не ручей они видали.
И лес стал реже на пути.
Наверно, всё же дошагали.

* * *

И вот река открылась вдруг,
Прохладный ветерок повеял.
Усталость липкую он сдул,
И тяжесть на душе рассеял.

Смывая тяжесть прошлых дней,
Они плескались, словно дети.
Иван на Сашку посмотрел:
«Она ж прекрасней всех на свете!»

Она давно любви ждала
Того, кто был ей всех милее.
Всё для него лишь берегла,
Чтобы отдать, не сожалея.

Любовь втекала в них с водой,
И ива скромно прикрывала,
Чтоб взгляд какой-нибудь чужой

Не запятнал любви начало.

Всё было вновь и в первый раз.
Все ощущения: боль и радость.
Касанье тел, сиянье глаз
И поцелуев нежных сладость.

Река их мягко обняла,
Лучом ласкало солнце с неба.
Она так счастлива была,
Он никогда так счастлив не был.

Они забыли обо всём.
Пускай на время, но забыли.
Им было хорошо вдвоём,
Их волны страсти уносили.

Туда, к волшебным берегам,
Где всё спокойно и красиво.
Ночь незаметно подошла,
Взошла луна неторопливо.

Они уснули до утра,
Пускай ничто их не тревожит.
Своим пологом тишина
Укроет их ночное ложе...

* * *

С утра опять в нелегкий путь.
Гадать, куда теперь податься:
Направо, влево повернуть
Иль за реку перебираться.

И был один больной вопрос.
Припасы были на исходе.
И был ответ довольно прост:
«От речки, значит, не уходим.

Здесь рыбы можно наловить.
С водой проблем не будет тоже.»
«Уходим от большой реки,
А там нам Бог пускай поможет.

Эй, мать-природа, подскажи.
Куда идти, скажи нам, ветер,
Ты знаешь все вокруг пути.»

Но он молчал и не ответил.

* * *

Вверх по течению пошли,
Жара была как в русской печке.
Часа, наверно, три прошли
И сделали привал у речки.

Спустился Фёдор вниз к реке
Разведать место для рыбалки.
И вдруг какой-то плеск в воде
И крик: «Сюда скорее, братцы!»

Рванулись все на крик скорей,
Но, увидав, оторопели.
Иван к рогатине быстрей,
Нельзя тут мешкать в самом деле.

Медведь ломает мужика.
Здоровый зверь, пудов так двадцать.
Не вырваться тому никак,
Нет сил, чтобы с таким тягаться.

Иван рогатиною в бок
Ударил так, как сил хватило.
Не разбираясь, а как мог.
Не до прикидок точно было.

Ударил, выдернуть успел
И отскочил шагов на восемь.
Медведь отпрянул, заревел,
Мол, кто ему тут вызов бросил.

Оставив жертву на потом.
Слюна текла из злобной пасти.
Зверь был взбешён и был готов
Порвать обидчика на части.

Медведь поднялся, зарычал,
Но мужики уже собрались.
Иван рогатину держал,
Степан поднял тяжёлый камень.

Медведь метнулся к одному,
Но камнем получил по морде.
Отпрянул, мордой мотанул,

А не понравилось как вроде.

Но ненадолго отступил
И снова кинулся в атаку.
И видно было: не шутил,
Смертельную затеяв драку.

Они не знали, как же им
С такою глыбою тягаться.
А зверь, видать, матёрый был
И, в общем, знал, как дальше драться.

Медведь спокойно, не спеша
Их гнал по лесу, словно зайцев.
Спустилась в пятки их душа,
Куда бежать, что делать дальше.

И стали вспоминать они
Рассказ охотников бывалых,
Как те с рогатиною шли
Медведя брать, и получалось.

И смысла нет бежать вперёд,
Зверь раненый вдвойне страшнее.
Он их по запаху найдёт,
Следы запутать не сумеют.

Припомнили они точней
Из тех охотничьих рассказов,
Что нужно действовать быстрее
И сообща всем надо, сразу.

Они слегка оторвались
И притаились за кустами.
Все действия обговорив,
Сидели молча, тихо ждали.

И вот раздался веток хруст,
Рычанье и сопенье злое.
Иван решил убить, рискнуть,
Зато оставит их в покое.

Он сжал рогатину в руках
И в напряженье ждал, ну, ближе.
И вот медведь уж в двух шагах,
И он ему навстречу вышел,

Точнее, прыгнул из кустов,
И зверь сначала отшатнулся.

Потом поднялся во весь рост
И на Ивана замахнулся.

Зверь навалился и взревел,
И дыбом сразу встала холка.
И зарычал, и захрипел,
Упал и замер уж надолго.

Да, повезло им, что сказать,
Рогатина попала в сердце.
А если б нет, не убежать,
Куда в лесу от зверя деться.

Иван в крови измазан был.
Медведь плечо задел когтями.
«Пошли скорей обратно к ним», —
Сказал. И к речке побежали...

* * *

Картина мрачная была.
В крови был Фёдор, без сознания.
А рядом Сашка вся в слезах,
И речки тихое журчанье.

Иван присел, обнял её,
Она прижалась и затихла.
Да, Фёдор был ужасно плох,
Ему нужна была больница.

Что делать, как им дальше быть,
Они сидели и решали.
Отсюда надо уходить,
Чтоб вновь медведи не напали.

Двумя ножами кое-как
Берёзки тонкие свалили.
И из одежды, что была,
Носилочки соорудили.

«Навряд ли Федю мы спасём,
Но здесь ведь тоже не оставим.
Тихонько вдоль реки пойдём,
Глядишь, кого и повстречаем».

* * *

Темнело, скоро ночь уже,
Вот и луна на небо вышла.
Пусть завтра будет без дождей.
И птиц почти уже не слышно.

Укрыли Фёдора теплей.
Он так пока и не очнулся.
Что принесет им новый день,
Пора б удаче улыбнуться.

Пусть хоть немного, хоть чуть-чуть,
Пускай намёк хоть им подарит,
Что верный выбран ими путь,
Тогда на сердце легче станет.

Скатилось солнышко за лес,
Костёр горел, трещал, искрился.
Степан тихонько что-то пел,
Наверно, вспомнил близких лица.

Иван сидел, обняв её,
Уже родную Александру.
Им было вместе хорошо,
Друг друга ощущая рядом.

* * *

И вскоре сон её сморил,
Он лёг, укрыв её теплее.
Прижал к себе и ощутил,
Что любит с каждым днём сильнее.

Она легла ему на грудь
И тихо, сладко задремала.
Пусть ей приснится что-нибудь
Из сказок, что она слыхала...

Вот белокаменный дворец
И с золотыми куполами.
Фонтаны плещут во дворе,
И сад с прекрасными цветами.

Деревья дивные стоят

С плодами, что и мёда слаще.
А птицы на ветвях сидят —
На свете не найдешь прекрасней.

Их трели услаждают слух,
Их оперенье восхищает.
Здесь нет похожих даже двух.
Всё разноцветием сияет.

Здесь солнце светит круглый год.
Здесь непогоды не бывает.
Здесь всё спокойно и светло,
И горя здесь никто не знает.

Животных тут красивых тьма
Различной формы и окраски.
Вода прозрачна и нежна,
И звуки музыки прекрасны.

Она и он, и всё в коврах.
Он принц, она его принцесса.
В красивом зале всё в огнях,
И вот уже им стало тесно.

Они взлетают и парят,
И фейерверков брызги блещут.
Под ними кружится земля,
И жизнь как сказочная песня...

* * *

Луч солнца звёзды стёр с небес,
Их синевой накрыло небо.
Свет яркий пробивался в лес,
Но этот день счастливым не был.

Скончался Фёдор тихо в ночь.
Ножами вырыли могилу.
Крест из берёзовых стволов.
Прими, земля, родного сына.

Резное имя на кресте
И – хоть примерно – дата смерти.
Вокруг шумел дремучий лес,
Стволы качал бродяга-ветер.

* * *

И снова ночь, а после день.
Природы вечное движенье.
Горит костёр, танцует тень,
Скользит и кружит меж деревьев.

А звёзды в небе как цветы.
Переливаются и блещут.
И из бездонной темноты
Глядит на них немая вечность.

И где-то там, возможно, есть
Такой же мир, и лес, и речка.
И кто-то так же, как и здесь,
Глядит на них сквозь бесконечность.

Конечно, всё у них не так.
Другие краски, взгляды, речи.
Но иногда сквозь звёздный мрак
Они глазами ищут встречи.

Лучи от взглядов всех миров
Летят, вселенную пронзая.
Но только взгляд один родной
Нам прямо в сердце попадает.

Взгляд этот дарит нам огонь,
Который никогда не гаснет.
Тепло, и радость, и любовь.
Что может быть ещё прекрасней?

Холодный свет от звёзд летит.
Ночь, и луна, и шёпот речки.
Она, прижавшись, тихо спит.
Он спит, обняв её покрепче...

* * *

Запели птицы, и опять
Ночь растворилась в ярком свете.
Путь надо дальше продолжать,
А место в памяти отметить.

Ну что ж, простились, и пора.

Попили кипятка, собрались.
Опять идти. Сюда? Туда?
Кругом неведомые дали.

И вдруг в лесу какой-то хруст.
Медведь, наверно, снова лезет.
Они укрылись все за куст,
Пускай их лучше не заметит.

Опять всё стихло, ничего.
Что: было или показалось?
А сзади голос: «Эй, вы кто?
Как в этом месте оказались?»

Все обернулись. Мужичок
С ружьишком и собака рядом.
Глядит с прищуром, но не зло.
Собака смотрит добрым взглядом.

Они не знают, что сказать.
От радости все мысли в кучу.
Живую душу повстречать
Им повезло в лесу дремучем.

Потом немного отошли
И загалдели невпопадку.
Иван сказал: «Эй, всё молчим!»
И объяснил всё по порядку.

Что власть народная их всех
Вдруг объявила кулаками.
И их, и членов их семей
Сюда вот в ссылку и сослали.

«Но ссылка – это же не смерть,
А нас конвой завёл и бросил.
Иль что, не люди мы теперь?
Иль мол про нас никто не спросит?»

Ну ладно б были мужики,
А то ведь бабы, ребятишки.
Среди неведомой тайги.
И хлеба нет, есть только шишки.

«Да, невеселые дела, —
Сказал им мужичок. – Давайте
Мы познакомимся сперва.
Поговорим, не унывайте.»

Он наклонился и достал
Картошку, полбуханки хлеба,
Головку лука, сахар, чай.
Что это: быть иль всё же небыль?

От вида этой всей еды
У них в желудках засосало.
Но в этом не было беды,
Их всё ж удача повстречала.

Костёр горит, и разговор
Меж тем приятный затянулся.
Он им представился Петром,
Скрутил сигарку, улыбнулся.

И прикурил от уголька.
Картошки бросил, пусть печётся.
«Дорога ваша нелегка,
Но всё ж пройти ещё придётся.»

Медведя тут недалеко
Не вы случайно завалили?
Он что же, сам на вас пошёл?
Иль вы зверюгу раздразили?»

«Он сам на Фёдора напал.
Никто его не злил, не трогал.
Вот я рогатиной и дал,
Степан ударил камнем в морду.»

Зверь бросил Фёдора, и к нам.
Мы в лес бегом, и он за нами.
Да в общем, виноват он сам.
Мы ж ему смерти не желали.

Я ж не охотник, в первый раз
С рогатиной и на медведя.
И Бог меня, наверно, спас.
Не дал погибнуть в лапах зверя.»

«Давненько что-то не слышал
Я про медведей вот такое.
Да, Фёдора, конечно, жаль,
И что-то лес стал неспокоен.»

Сходили к Фёдору ещё,
А Пётр сказал, что крест он срубит,
И установит здесь его,
И приглядит, пока жив будет.

«Живу я здесь недалеко.
Охотой, сбором промышляю.
Сын, дочь, собака, вот и всё.
В округе вёрст на сто всё знаю

Я думаю, что к ночи вы
В деревню точно доберётесь.
Но надо реку перейти,
И шагов двести отойдёте.

И так идите вдоль реки.
Стемнеет, всматривайтесь лучше.
Должны видны быть огоньки,
Хоть лес, конечно, будет гуще.

А провожать вас не пойду,
Пора домой мне возвращаться.
В деревню после я приду
Муки да сахарку набраться.»

Простившись, двинулись они.
Как Пётр сказал, пошли вдоль речки.
Потом по броду перешли.
Какая ж будет эта встреча?

* * *

И краски стали веселей,
И солнце в небе заиграло.
Вдруг застучало по листве
И зашумело, зашуршало.

И дождь слепой, весёлый дождь
Из тучки маленькой, залётной
Обрушил звонкий свой поток
Из сотен струй блестящих, тонких.

Он их касался, и ласкал,
И обнимал, струясь игриво.
В листве на солнце он блистал,
В траве бежал неторопливо.

Он пробегал по волосам,
И по губам, и по ресницам.
И всё ласкал, ласкал, ласкал,
Уже не мог остановиться.

И он хотел всё лить да лить,
Не рассчитал свои он силы.
Не смог до нитки промочить,
Лишь только напугал игриво.

Он всё ж не волен над собой.
Иссякла тучка, небо чисто.
Отдельных капель мягкий звон
Стихает, шлёпая по листьям.

И дождь исчез в траве густой,
Оставив миллионы капель,
Омыв леса, поля водой,
Он силы все свои истратил.

И, в этих каплях отразясь,
Разбилось солнце на частички.
И всё сверкает, серебрясь,
И вот уже запели птички.

Их пенье звонкой чистотой
Природу всю околдовало.
Как вольно дышится, легко,
Душа в груди затрепетала.

И хочет птицей воспарить.
Так хорошо, приятно стало.
И хочется любить и жить.
Жить и любить, и всё сначала.

* * *

Пусть дождичек смочил слегка,
Но ведь не сахар, не растают.
Их солнце гладило, любя,
А ноги всё быстрее шагают.

Хоть и неясно, что да как.
Как примут: плохо ль, хорошо ли.
Но это лучше, чем никак,
Ведь нет сейчас их хуже доли.

«Быть может, встретят хорошо,
А может, как-то и не очень», —
Так говорили меж собой
И шли. Уже всё ближе к ночи.

И вдруг какой-то огонёк
Средь сумерек, ещё, и много!
Да, славный выдался денёк.
Дошли, нашли, и слава Богу!

Вошли в деревню. Лай собак,
Мычат коровы, блеют овцы,
Гармонь играет, смех девчат.
Они направились к колодцу.

Попили чистенькой воды,
Остановились, огляделись.
Тут всякий знает, кто свои,
И люди пристально смотрели.

Тут старичок к ним подошёл:
«Откель такие? Заблудились?»
«Из лесу мы, – сказал Иван. —
А старший кто? Поговорили б».

«А старший здесь Козьма Ершов.
Он здесь сегодня председатель.
Есть командир и взвод бойцов,
И комиссар к нему назначен.

Контора вон, чуток левей.
Я провожу, пойдёмте вместе.
А всё же будете откель?
Мне очень даже интересно».

«В края мы ваши забрели
Уж точно не по доброй воле.
В конторе вот поговорим,
И всё узнаете вы вскоре.

И познакомимся сперва.
Меня Иваном с детства звали.
Вот Александра и Степан,
А Фёдора мы потеряли».

«Меня зовут все дед Игнат,
Я тут давно уж обитаю.
Лет тридцать уж прошло, а как
Сюда вот занесло, не знаю.

Конечно, знаю, как не знать,
Но эта сказка долгой будет.
Когда-нибудь потом опять

Поговорим, коль не забудем».

«А дед Игнат, скажи-ка, как
Деревню вашу обзывают?»
«Да, видно вы издалека.
Крутиху все в округе знают.

Название наше от реки,
Что меж камней бежит и крутит.
Ту Закрутихой нарекли.
С рожденья, видно, воду мутит.

А там подальше, за лесок,
Она в большую реку входит.
Вот та уж матушка несёт
И в море синее уходит.

С большой реки нас не видать,
Лес нас надёжно закрывает.
А ближе строиться нельзя,
Весной, бывает, разливают».

«А я-то думаю, как мы
Деревню вашу проскочили.
Огней не видели с реки,
Так мимоходом и проплыли».

«Вот мимо вас и пронесло,
Но всё ж таки, гляди, добрались.
Выходит, есть у вас чутьё.
В лесу иголку отыскали».

«Да ну, какое тут чутьё, —
Сказал Иван, рукой махая. —
Да если б не охотник Пётр,
Не знаю, где б сейчас шагали».

«Так значит, встретили Петра.
Давненько я его не видел.
Он редко кажет нос сюда,
Хотя никто и не обидел.

Сначала жил в лесу с отцом.
Отец помёр, один остался,
В деревню звали, не пошёл,
Как рак-отшельник обитался.

Потом замаялся один,
Увёл жену себе отсюда.

Родилась дочь, родился сын,
Но вскоре жёнке стало худо.

Недолго мучилась она,
Не помогли коренья, травы.
Через полгода померла,
А сын тогда ещё был малый.

И дочери всего пять лет
Тогда ещё, наверно, было.
Но Пётр сдюжил – молодец,
Детей поднял и полон силы.

Сейчас они уже ого!
Его повыше ростом стали.
Дочь здорова, а кулаком
Быка, наверное, завалит.

К ней много сваталось парней,
Но быстро все поубежали.
Она обнимет – так ей-ей.
Аж ребра все внутри трещали.

А сын – охотник, весь в отца.
Бьёт белку в глаз, не промахнётся.
Да, вот такая вот семья.
Судьба нас крутит и смеётся.

Я вот про Фёдора, Иван,
Не понял, как так – потеряли.
Он что, был с вами и отстал?
А вы кричали? Вы искали?»

«Да нет, дед, всё совсем не так.
Медведь напал здоровый, злобный.
Он Фёдора и поломал.
Сдавил, сломал, наверно, ребра.

Внутри, похоже, кровь пошла,
Лежал от боли без сознания.
Похоронили вот вчера,
Жена и сын одни остались».

«Да, это точно уж дела,
Давно такого не слышали.
Чтоб сам вот так медведь напал.
Его, похоже, кто-то ранил.

Похоже, злой он на людей,

Ведь так медведь не нападает.
Уж я-то знаю, мне поверь,
Конечно, всякое бывает.

Хоть не охотник я, но был
В лесу по молодости долго.
Но, видишь, вот здоров и жив,
Хотя медведей видел много.

Про это расскажу потом,
А ты загадками говоришь.
У Фёдора жена с сынком.
И где они? Секрет откроешь?»

«Ох и хитёр ты, дед Игнат.
Всё норовишь узнать скорее.
Вон там, похоже, красный флаг.
Контора. Так идём быстрее...»

* * *

Зашли в избу. Кто, как, за что.
Всё председателю сказали.
Про то, как семьи мужиков
Как кулаков в тайгу сослали.

И про конвой, и про детей.
Как рыли топором землянки.
Кору как ели, лошадей
И как, собравшись на полянке,

Решили, что пора идти.
Собрали мужиков в бригады.
И в три направили пути.
«Вот вас нашли и очень рады».

«Да, интересные дела, —
Сказал Кузьма, рассказ послушав. —
Тут, видно, нужен комиссар,
Сходи, Игнат, по его душу.

Да, что-то слышал я зимой.
Пропал обоз в лесу с конвоем.
Везли там ссыльных мужиков,
Но я не знал, что их с семьёю.

Да, вишь, какой сейчас закон.

Чуть что не так, и вот сослали.
И это, в общем, повезло,
А то ведь многих расстреляли.»

Тут появился комиссар.
Чубатый, с пухлыми губами.
Зашёл и рядом с ними встал.
Сам в кожане и при нагане.

Взгляд, в общем, как бы и не злой,
Но недоверчивый и колкий.
К Ивану сразу: «Кто такой?
Давай рассказывай всё толком.»

Но тут Кузьма опередил:
«Они из ссыльных, что зимою
Обозом по тайге везли.
Сопровождали их конвоем.

Похоже, сбилися с пути,
Конвой их у реки оставил.
Мол, всё равно им не уйти,
Никто ж не знает наши дали.

Отряд, похоже, поскакал
Искать дорогу к нам, но, видно,
Похоже, снова заплутал,
А вот людей оставил гибнуть.

Сейчас уж ночь, пусть до утра
Поспят и отдохнут с дороги,
А утром всё расскажут нам
Об остальном «лесном народе».

Как отыскать всех остальных
И как их привезти оттуда.
Всё надо сделать до зимы,
Не то им там придется туго.

«И верно, лучше уж с утра
Здесь соберёмся и обсудим», —
Сказал чубатый комиссар. —
«Игнат, ты дай приют уж людям.»

«Конечно, что ж, пойдём ко мне.
Живу один я уж три года.
Жену я схоронил уже,
Сыны умчались на свободу.

Где носит их, не знаю я.
Давно уже вестей не слали.
Корова, куры – вся семья.
И есть кобель по кличке Шарик...»

* * *

«А вот и дом. Ну как? Хорош?
Из кедра строил всё, на совесть.
Он простоит ещё, дай Бог.
А может, баньку мы устроим.

Эй, Шарик, ну-ка перестань.
Облаял, вот и всё, на место.
Свои ребята, так и знай.
Жить будем здесь, все дружно, вместе.

Вы проходите прямо в дом,
Располагайтесь поудобней,
А я закину в баньку дров,
Кедровый веник приготовлю.»

* * *

Внутри ухожено, уют.
На стенах много фото в рамке.
В углу иконы две стоят,
Висят пучки какой-то травки.

Пришёл Игнат: «Я в баньке там
Картошки чугунок поставил.
Лександра, дочка, накрывай.
Да не стесняйся ты, родная.

Гляди: смутил, зарделась вся.
И что-то мужики притихли.
Эх, где бутылочка моя?
Давайте за знакомство выпьем».

Бутылка мутная на стол,
Стаканы звонко застучали.
Разлился в теле самогон,
И мысли веселее стали.

Лучок, огурчик, помидор,

Картошка в чугушке поспела.
Стучат стаканы, разговор,
И вот уже душа запела.

Песнь про бродягу завели,
Что плыл на лодке по Байкалу.
И снова беды отошли,
И грусти как и не бывало.

* * *

Дед вспомнил молодые года,
Когда по лесам он скрывался.
От бедности гнёта бежал,
С такими, как он, повстречался.

«Свободы хотелось тогда,
Свободы и жизни нормальной.
И тяжко пришлось господам,
Которые в лес попадали.

Но скоро издал царь указ:
Покончить с разбойничьим братством.
И в лес понаслали войска,
Чтоб разом со всем разобраться.

Пришлось уходить вглубь лесов,
На время разбойничать бросить.
Потом разбрелись куда кто.
И где их теперь леший носит?

А я вот досюда добрёл.
Понравилось это местечко.
Жену себе здесь я нашёл
И, в общем, осел здесь навечно.

Здесь было всего семь дворов,
И люди здесь дикие жили.
Ведь город от нас далеко.
Охотились, рыбу ловили.

А после товар по реке
Купцы пароходом возили.
Муку, сахар, крупы. Вполне
Неплохо тогда мы зажили.

Мы всё на пушнину, грибы

Солёную рыбу меняли.
Но тут перемены пришли,
Купцов на реке разогнали.

Теперь очень редко сюда
Какой пароход заплывает.
Мы сами обоз иногда
До города нынче собираем.

Пушнину везём и грибы,
Копчёную рыбу, соленья.
Обратно – крупы и муки,
Ещё сахарку для варенья.»

* * *

«Вот старый я чёрт, позабыл,
А баня давно уж поспела.
Ни с кем давно не говорил,
Не остановишь это дело.

Пусть молодёжь пока идёт,
А то сидят тут и скучают.
Им уж, наверно, невтерпёж.
Вишь, как друг дружку прижимают.

Идите, веник, ковшик там,
А мы тут выпьем со Степаном.
Эх, Александра хороша.
Да, славная сойдётся пара».

Им дед огарок дал свечи,
Чтобы в потёмках там не мылись.
Они, довольные, ушли,
А то сидеть уж притомились.

* * *

«Ну что, Степан, ты наливай.
Семья-то у тебя большая?»
«Да нет, один лишь сын пока.
О дочке мы с женой мечтали.

Теперь уж, видно, не судьба.
Хозяйство, дом – всё отобрали.

Сослали вот теперь сюда
И «кулаком» ещё назвали.

За что? За то, что я трудом,
Своим трудом поднял хозяйство.
Построил сам хороший дом.
Не побирался и не клянчил.

А те пьянчуги и воры,
Что не хотят совсем работать,
Те новой власти, знать, нужны,
Чтоб разбазарить всё в два счёта».

И затянулся разговор
О новом, старом. Что же лучше?
В стаканы лился самогон,
Хрустел солёненький огурчик...

* * *

А в бане пар обнял тела,
И шлёпал веничек кедровый.
Такая свежесть, чистота,
И веник хлещет снова, снова.

А телу хочется ещё,
И ковшик льёт на камни воду.
И жар захватывает всё,
Сжимает всё, и нет свободы.

Вот жара схлынула волна,
Тепло струится внутрь по телу.
Такая нега разлилась,
Смола стекает вниз по стенам.

Водой облился ледяной,
И снова в жар, а веник хлещет.
И тело дышит чистотой,
Душа внутри аж вся трепещет.

* * *

Довольны банею вполне.
Вдыхая свежий запах ночи,
Они сидели при луне,

И хорошо им было очень.

Иван пошёл сказать, чтоб дед
Шёл в баню мыться со Степаном...
Бутыль пустая на столе,
А с нею рядом два стакана.

Дед завалился на печи,
Степан лежал внизу, на лавке.
Тихонько спали мужики,
Знать, не судьба помыться в баньке.

* * *

Он тихо затушил свечу
И вышел из дому, а в небе
Как будто кто из звёзд вверху
Раскинул сказочные сети.

И вот, как в сети рыбака,
Как будто рыба в море синем,
Попалась яркая луна,
И нет оттуда ей спасенья.

И от прикосновенья рук
Им тоже нет уже спасенья.
Дурманил разнотравья дух
На сеновале в мягком сене.

Одежда прочь, и шёпот губ.
Слова любви, томленья звуки.
И нежные касанья рук,
И предвкушенья сладки муки.

Пульс учащается, и кровь
Всё заполняет до предела.
И ощущение, как вино,
Все растекаются по телу.

А руки, медленно скользя,
Волнуют бугорки и ямки.
И звуки в воздухе парят.
Дыханье стало очень жарким.

Рот приоткрыт, и поцелуй
Сливает губы с замираньем.
Не стало ничего вокруг.

Желанье правит их телами.

Он и она, и ничего
Для них сейчас не существует.
Она волнует лишь его,
Он лишь её одну волнует.

И гроздя поцелуев вновь
Ласкают трепетное тело.
Набухла и твердеет плоть,
Страсть раскалилась до предела.

Томленье, стоны, нежность рук.
Всё ближе, ближе то мгновенье.
Соединенье сладких губ
Усиливает возбужденье.

Чем ближе миг, тем слаще вкус,
И мыслям не подвластно тело.
Ещё чуть-чуть, ещё чуть-чуть!
Её желанью нет предела.

Волна по телу, всё дрожит.
Любовь стремится к высшей точке.
Движений нарастает ритм,
И разливаются потоки.

Потоки страсти изнутри,
Лаская, движутся по телу
И, словно снежный ком с горы,
Сначала катятся несмело.

И, на пути сметая всё,
Вдруг превращаются в лавину.
И вот её волна несёт.
Всё нарастает нестерпимо.

То отступая, то опять,
Накатывает вверх, бросая.
И он уже не в силах ждать
И с ней на пик волны взлетает.

Ещё немного, и они,
Упав, лежат в изнеможенье.
Ещё пульсирует в крови
Сок сладострастных ощущений.

Приятно нежное тепло.
Она и он лежат, обнявшись.

Они забылись, рассвело.
Луна поблекла в солнце вставшем...

* * *

С утра пришли, как уговор,
В контору, чтобы разобраться.
Всё обсудили и потом
Решили: надо собираться.

Присели вместе за столом,
Примерно карту набросали.
Но как теченьем их снесло,
Потом обратно прошагали.

Не смог Иван ничем помочь.
Всё лишь примерно, пальцем в небо.
Похоже, нет туда дорог,
А знать, телеги не проедут.

Ну что ж, идти пешком опять.
Иван, Степан с проводниками.
Еды побольше надо взять
И ружья, пилы с топорами.

* * *

И председатель пригласил
В контору мужиков бывалых.
Тех, кто вокруг всё исходил,
Всех старожил, из самых старых.

Спросил, кто может им помочь
Найти людей, сюда доставить.
И были многие не прочь,
Он восьмерых из них оставил.

«Ну что ж, на сборы два денька.
Выходим утром послезавтра.
Дорога будет нелегка,
И нужно хорошо собраться.

Большую реку перейдём
И дальше вверх вдоль так и двинем.
Не знаю, сколько дней пройдем.

Но, думаю, неделя минет».

Кузьма хотел возглавить ход,
Но комиссар сказал: «Негоже
Надолго оставлять совхоз.
Здесь председатель всё ж быть должен».

«Ну что ж, тогда пускай Федот.
Он самый старый, всё тут знает.
Так, послезавтра значит сбор.
Вот здесь с утра и назначаем...»

* * *

Разлука долгой быть могла.
Ему идти, ей оставаться,
Но брать с собой её в леса
Иван уж очень опасался.

Она ему за эти дни
Вдруг стала самой дорогою.
И он решил идти один
Ей будет лучше здесь, спокойней.

Пока у деда поживет,
Чего поможет по хозяйству.
Игнат сказал, что у него
Скучать ей, в общем, не удастся.

В обиду никому не даст.
Пускай живёт, как дочка, в доме,
А вот потом придет Иван.
Глядишь, и свадьбу устроим.

Так порешили, хоть она
И не хотела оставаться.
Но всё же настоял Иван
Его в деревне дожидаться.

Ночь перед выходом его
Всю провели на сеновале.
И, позабыв опять про всё,
Друг другу страстно отдавались...

* * *

А утром восемь мужиков,
Степан, Иван и Александра
Собрались, и Кузьма Ершов
Ещё раз обсудил все планы.

«Вас лодки ждут на берегу.
Федота слушаться, всем ясно!
А в общем, что я говорю.
Всё сами знаете прекрасно.

Идите с Богом, будем ждать
Через недели две, наверно.
И надо ж так людей загнать.
Да, проводник был явно скверный.»

* * *

Дошли до леса, через лес.
И вот она, река, открылась.
В ней отразилась синь небес.
Эх, хороша, напилась силы.

Из сотен речек, ручейков
Она течёт, вбирая воды.
Среди полей, среди лесов,
В долинах, огибая горы.

Прекрасна матушка-река.
В ней мощь энергии и жизни.
О камни хлещется волна
И разбивается на брызги.

Она водой питает всё:
Деревья, травы, человека.
И всё растёт, и всё цветет
Из года в год, от века к веку.

И убегая вдаль, маня,
Она впадает в море где-то.
И возвращается опять
Из тучек дождиком и снегом.

Дождю мы радуемся в зной.

Пушистому мы рады снегу.
И, глядя на реку, порой
Мы забываем наши беды.

Вода смывает с сердца грязь.
С души смывает паутину.
И вольно дышится опять.
Жизнь интересна и красива...

* * *

Четыре лодки на реке
Их ждали, на волнах качаясь.
Иван прижал её к себе,
И они долго целовались.

Как две недели без неё,
А может, больше, кто же знает.
Она уже вот слёзы льёт.
«Да не печалься ты, родная.

Не на войну ведь ухожу.
И мне теперь медведь не страшен.
И не один ведь я иду.
Ну что ты плачешь, Алексаша».

Вернусь я скоро, и тогда
С тобою свадебку сыграем.
Ну всё, не плачь, а мне пора.
Всё будет хорошо, родная».

«Игнат, ты присмотри за ней,
Она совсем ещё девчонка.
Но мне она всего милей».
«Всё будет хорошо, да что там.

Она как дочка для меня.
И присмотрю, и будет сыта.
Не сомневайся ты, Иван,
Её я уж не дам в обиду.

Иди спокойно, не тужи.
Мы здесь с Лександрой разберёмся.
Ты должен что? Людей спасти.
А мы вдвоём тебя дождёмся.»

Они поплыли, а Игнат

И Александра всё стояли.
Катилась тихая волна,
А лодки дальше уплывали.

И вот уж точки вдалеке.
«Ну что ж, пора идти нам к дому.
И вытри слезы ты уже.
Негоже плакать по живому.

А мы пойдём сейчас домой.
Картошечки с тобой отварим.
И ты не думай о плохом.
Эх, повезло с тобою Ване.

Лицом красива, хороша.
И остальное всё при месте.
И, видно, добрая душа,
И скоро будете вы вместе.

Ты мне напомнила жену.
Её Прасковья величали.
Лет восемь без неё живу,
А иногда проснусь в печали.

И вспомню милое лицо,
И сердце жмётся так тоскою.
Я как без жизни без неё,
И душу всё не успокою.

Она такая же была.
Молчунья и краса-девица.
И вышивала, и пекла,
И на все руки мастерица.

Не знаю, что во мне нашла.
Пришёл из леса, небогатый.
Конечно, не пустой карман,
Но уж немолодой и наглый.

И ни кола, и ни двора.
За что, не знаю, полюбила.
На пирожки, на чай звала
И через год всё ж приручила.

И я осел, построил дом.
Её любил, детей растили.
И было в жизни всё ладком.
Так двадцать пять годков прожили.»

* * *

– А от чего же умерла
Прасковья ваша, дед Игнатий?
– Да всё проклятая война
И наши дуралеи, мать их!

Ты, дочка, извини меня,
Но злость вскипает, нету силы.
Солдат-дурило рассказал
И уложил её в могилу.

А было так. Была война,
Сыны ушли, и долго как-то
От них ни слуха, ни письма,
И тут сосед пришёл, Агапка.

Вернулся с деревяшкой он.
При взрыве ногу оторвало.
Да всё ж живой домой пришёл,
А много мужиков пропало.

В печали нам поведал он,
Когда в больнице он валялся,
То список видел над столом.
Наш сын умершим там считался.

Ну тут Прасковья сразу в плач.
Неделю плакала, молчала.
Сын этот младший был у нас.
Лишь только двадцать отстучало.

Вся извелась она совсем,
Молчала всё и ела мало.
А тут письмо принес Евсей.
И нет чтоб мне отдать сначала.

И кто нам может написать,
Подумал бы башкой своею.
И надо ж было ей отдать,
Ведь видел, что она болеет.

У нас все родственники здесь.
Сейчас почти уж не осталось.
Она одна была в семье.
Бог им не дал, не получалось.

Евсей – то письмоносец наш.
Он письма в город доставляет
С обозом в месяц пару раз.
Немой, но дело своё знает.

Евсей – он грамотный мужик,
А вот с войны немой вернулся.
Осколок что-то повредил,
Но вот не спился, не согнулся.

Он думал, сыново письмо,
Хотел порадовать Прасковью.
Но вышло всё наоборот,
Он лишь ещё добавил горя.

Не сын прислал нам то письмо.
Боец писал, служили вместе.
Писал, что был жестокий бой,
И сын сражался храбро, с честью.

Их окружили, но они
Решили всё же прорываться.
Хоть силы были неравны,
Но мысли не было сдаваться.

Последнее, что видел он,
Снаряд ударил рядом с сыном.
А после только сильный звон,
И небо пеленой закрыло.

Про сына в госпитале он
Спросил. Сказали: «Умер ночью.»
Хоть мертвого не видел он,
Но врач не будет врать нарочно.

Я на покосе был в тот день.
Гляжу: Евсей ко мне несётся.
Руками машет, мол, скорей.
Меня он тянет и трясётся.

Я понял, что-то здесь не то.
И к дому бросился быстрее.
Лежит жена, в руке письмо
Лицо-то аж муки белее.

Я уложил её в кровать,
Она не ела и молчала.
Всю паралич её сковал,
Через неделю и скончалась.

И я тогда затосковал.
И жизнь не жизнь была без милой.
А тут как чудо Бог послал.
Такое только в сказках диво.

Явился младший мой сынок.
Ну, думаю, с ума схожу я.
Но нет, здоровый и живой
И обнимает, и целует.

А через месяц старший сын.
И тоже целый и здоровый.
Подумал: «Боже, ну скажи,
За что ты сделал с ней такое?»

За что ты её наказал?
А может, меня наказал ты?
За что ты ей жизни не дал?
Мы в чем пред тобой виноваты?»

Но Бог мне ответа не дал,
А может, и дал, как понять тут?
Сыночков живых мне отдал.
Живи, не горюй, мол, Игнатий.

* * *

– Но как случилось, дед Игнат,
Что сыновья домой вернулись?
– Всё перепутала война,
А им удача улыбнулась.

В больнице в списке был не сын,
А был его однофамилец.
А старший точно ранен был,
Его почти похоронили.

Но выжил, мимо смерть прошла,
Слегка косою зацепила.
Жизнь посильнее, знать, была.
Врачи сложили, всё зажило.

Потом служил опять, а тут
Решил он к дому воротиться.
Не ожидал, что радость вдруг
Внезапно в горе обратится.

Погоревали вместе, что ж.
Жить надо дальше, что поделать.
Былого снова не вернёшь,
Судьба так, видно, захотела.

Хозяйство обновили всё.
Но понял я: им скучно дома.
И манит что-то их ещё.
И я сказал: «Езжайте в город.»

Я отпустил, пускай летят.
Ну что им здесь, в глухой деревне.
А мне тут лучше: благодать!
Лес, тишина и воздух свежий.

* * *

Вот так и живу я с тех пор.
Один с собакой и курами.
Но вот послал подарок Бог,
Теперь не скучно будет с вами.

Почти полжизни рассказал.
Вишь, дочка, как оно бывает.
Такая, видно, мне судьба,
А ты всё думаешь о Ване.

Мы скоро уж дойдём уже,
Давай с тобой договоримся.
Всё будет хорошо, поверь,
Ничто с ним точно не случится.

И слёзы лить не думай зря.
Ведь две недели – это быстро.
И не заметишь, пролетят.
Вот тут Иван и воротится.»

* * *

Он успокаивал, а сам
Вдруг вспомнил взгляды комиссара.
Федоту что-то говоря,
Он всё косился на Ивана.

Кузьма сказал, что комиссар
Гонца отправил в город срочно.
И попросил прислать отряд.
Отряд бойцов, ну хоть полсотни.

И заодно сказал узнать,
Что с конным тем конвоем стало,
Который ссыльных провожал,
А после их в лесу оставил.

Он не поверил в их рассказ.
Зимой в лесу не выжить долго.
Мешок крупы, три топора.
Да это просто невозможно.

Не выжили б зимой никак,
Помог им кто-то, это точно.
В лесу бандиты – это факт.
И к нам заслали их нарочно.

Узнать послали, кто тут есть.
Сколь мужиков, как настроенье.
Какая власть сегодня здесь
И можно ль захватить деревню.

Кузьме сказал он отобрать
В поход лишь тех, кто власти верен.
Бандитов встретят, так стрелять
И не жалеть, как злого зверя.

Патронов дал в дорогу им
Побольше, чтоб в запасе были.
Сказал, чтоб осторожно шли,
В засаду чтоб не угодили.

Кузьма не верил, что Иван
Мог оказаться в белой банде.
Пускай гадают комиссар.
На то сюда он и поставлен.

Своими мыслями Кузьма
Про то с Игнатом поделился.
Да, видно, бравый комиссар
За власть народную боится.

А нам что белый, что рябой.
Мы и при тех, при этих жили.
Нам главное, чтоб не разбой,
И не грабёж, и не насилье.

Мы здесь трудом своим живём,
Налог сдаём советской власти.
А что осталось, продаём.
Пока обходят нас напасти.

И вряд ли нас сошлют куда.
Всех кулаков сюда сослали.
Теперь здесь каждый, знать, кулак.
И раскулачат нас едва ли.

Иван, конечно, не кулак.
И контрой никогда он не был.
Видать, не добирали план,
И кто-то накатал «телегу».

«Таких, как он, у нас полно, —
Сказал Кузьма тогда Игнату. —
Но чтоб сосед писал донос,
Рубить за это руки надо.»

Вот странный вышел разговор.
Кузьма как будто за советы,
А защищает кулаков.
Никак не разберу я это.

Он вспомнил этот разговор
И посмотрел на Александру.
«Всё будет, дочка, хорошо,
Всё будет хорошо с Иваном.

Ну вот уже мы и дошли.
Слышь, Шарик лаем нас встречает.
Давай, хозяйка, заходи.
Сейчас попьём с малинкой чаю...»

* * *

А за рекой, на берегу,
Всё тоже шло пока по плану.
Чуть перекур, и снова в путь,
И впереди Степан с Иваном.

А рядом с ними шёл Федот.
Он знал в округе все дороги.
Он исходил здесь много троп,
И все шагали без тревоги.

Все шли уверенно за ним
И заблудиться не боялись.
Он среди всех старейшим был,
Все слушались и понимали.

От речки шли недалеко.
Шагов так сто, а может, ближе.
Здесь лес пореже, и легко
К воде спуститься можно ниже.

* * *

Ведь так приятно у воды
Сидеть, смотреть, мечтам отдавшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.